

Письма о праздниках

День Введения во Храм Пресв. Богородицы

21–XI–41 (4–XII–41)

...Празднование о «Храме Храма»¹ переживалось мною разными сторонами в последние годы перед болезнью обычно с Движением и на его темы — освящения жизни. Сейчас же, как никогда, под впечатлением совершающегося в мире, охвачен мыслью об историческом часе, который мы переживаем и о судьбах Израиля в мире (и, конечно, в России).

Праздник, правду сказать, и поздний по происхождению (VIII–IX–X–XI век), и в частности своих обязанный «мифотворчеству». Но это, конечно, не лишает его богодохновенности и силы откровения. И оно, как ни в одном из других, кроме разве Сретения (тоже «Presentation»²), относится к иудео-христианству. Пречистая была отдана храму ветхозаветному, и жила в нем его молитвами, откровениями, вдохновениями, с его жертвами и их «типиконом», тем самым, который Господь нещадно упразднил, изгоняя торжников из храма, вместе со скотом их, бичем из веревок — Ин 2 («Avis!»). Но вся Она, конечно, пребывала в чаянии и созерцании грядущаго Завета — Новаго, в духовном предзачатии Христа.

Как глухо и слепо было и особенно есть к этому христианство усеченное, хотя и в сторону новозаветности, но лишь исключительной... «Миф» родился в Византии, в атмосфере однобокости, хотя и богословских вдохновений, это сказывается и на высокой вдохновенности службы, которую Вы ныне воспеваете. Но теперь живем уже иной час истории, ищущий и своего собственного голоса, но его нет.

В этой службе хочется видеть не только «введение», как жертву родителей, но и «вхождение», как жертву любви дочеринской.

Святая Дщерь, оставляя дом отчий, вместе с этим уже отдаляется от его благочестия, грядет навстречу Новому...

23–XII–1941.

5–I–1942

...шлю рождественский привет: Христос рождается. Вчера послал Вам и слово рождественское: Великая Радость. Да пошлет Он нам эту радость! И подвиг веры, и плод ее в наши дни, грозные и испытующие, должен быть этой радостью, от слышания небесного славословия, через лязг железа на земле, и торжества Боговоплощения. И это есть, и дано свыше, хотя в краткие светоносные моменты.

Дни предпразднества для меня, с раннего детства, связаны с мистическим головокружением, особенно эти каноны: «сеченное» и «волною»³. Так и теперь.

...недели Праотец и св. Отец⁴, когда из глубины веков возгораются эти священные имена и события, живет Ветхий Завет в Новом, и начала сходятся с концами в чаянии и обетовании, что весь Израиль спасется.

...Такое чувство, что сейчас Господь посылает общий труд и испытание терпения. Смотрю кругом себя, как люди изнемогают от трудов и забот... Очевидно, в путях Господних лежит это.

...Как торжественно звенят в душе эти гимны Страстной седмицы в преддверии Рождества Христова, всегда я особенно любил и чувствовал это соединение Рождества и Страстей, зимы и весны, русской зимы и грядущей Пасхи. Так и теперь в душе мерцает этот свет детства...

22–V–42.

Духов День

...Ты знаешь, что значит для меня этот день нового моего рождения, 24 года назад⁵.

Все протекшие годы погружаются в тихую могилу забвения, но это двухдневие горит в душе нездешним светом обновившейся юности... В тот год Пасха была поздняя, и Троичные дни были 10–11 июня (ст. ст.), жаркие, солнечные. В Духов День шли крестным ходом по большевистской (1918 г.) Москве из Данилова монастыря в Кладбищенский (как и моего отца) Храм Святого Духа, я шел дяконом, со свечей. На вечерне дали букет белой свежей сирени, с ним я и возвратился в дом свой.

...В этот день благодарно вспоминаю тех, кого не по заслугам, но благодатно посылал мне Бог, как близких духовно, на моем пути священства и невольно шлю всем им Серафимовский привет...

22-III-1943

4-4-1943

...за это время я испытал большое потрясение и горе, хотя оно и было, конечно, умерено в своей непосредственности расстоянием времени в четверть века. Я получил несомненное подтверждение вести о кончине своего друга, могу сказать: Друга, о. Павла Флоренского. Он скончался, очевидно, в Соловках, где он находился в ссылке (в течение последних 10 лет своей жизни). Последние дни я с надриным бесилия сказать о нем что-либо достойное величия этого человека, набрасывал заметки его памяти, которые, может быть, будут за меня прочитаны в собрании его памяти, у нас устроаемом*).

Ты помнишь его образ на снимке картины Нестерова. Впечатления последних 25-ти лет, оказывается, не затмили этого образа, но его мученически-исповедническую кончину я переживаю и как духовное торжество, в образах Апокалипсиса, в которых живу и вдохновляюсь, внешне в связи с чтением курса о нем и с работой для последнего, а внутренне и потому, что только так и можно жить и воспринимать наши дни. Историческая церковь закрылась от Апокалипсиса монашеством и типиконом⁶. Не умаляя того и другого, каждого по своему, не могу не сказать, что не согласен ставить знак равенства между ними и вообще христианством, и этого властно не позволяет апокалипсис жизни. В известном смысле обезвкусение риторики и многословия богослужебного является не только естественным и законным, но прямо необходимым уже для того, чтобы зазвучала вновь первомотива первохристианства: «ей гряди!»⁷. Однако старое должно творчески возмещаться новым, а не просто отбрасываться на долю сердечной пустоты, и это претворение может быть длительно и мучительно. Ей гряди имеет не только значение молитвенного зова, но и духовной жажды, известного всеобщего покая.

...Остается в покорном терпении терпеть жизнь, когда хотелось бы ею пламенеть. О Господе живем, о Господе и умираем⁸ — каждый говорит это на языке своей собственной жизни.

* Примечание редактора. Собрание посвященное памяти о. Павла Флоренского состоялось в Православном Богословском Институте 11 апреля 1943 (речи о. Сергия (прочитанная рукопись), о. В. Зеньковского, арх. Киприана, проф. А. В. Карташева и Л. А. Зандера). Известие о смерти о. Павла Флоренского впоследствии оказалось неверным, но о. Сергий этого уже не узнал.

Великая Суббота
(1943 г.)

Я не знаю, что лучше: то ли, когда я в Праге и здесь, в Париже, в ночном саду «веселыми ногами»⁹ прыгал и веселился радостью пасхальной, или, как теперь, приемлю ее через страсть мира. Но не удивись, если всегда у меня было то же чувство: Страстная седмица есть наша жизнь, а Пасха — мгновение и обетование, на которое, меня по крайней мере, греховно не хватает. Или ты думаешь, на самом деле, что легко и даром дается радость Пасхальная! Да не будет!

Самый же торжественный миг церковного года есть сия преблагословенная Суббота, когда «да молчит всякая плоть человека»¹⁰.

Светлый Понедельник.
(1943 г.)

...Пасхальная радость всегда есть чудо, экстаз, трансценс в другой мир, прикосновение к жизни будущего века, откровение, притом не даровое, но обретенное всем подвигом Страстной Седмицы. Хотя ты приписываешь мне (чего на самом деле мне вовсе не принадлежит) особливую радость пасхальную, и, даже не отрекаясь от нея, я должен все-таки сказать, что для меня существует жизненная разница между Страстной и Пасхальной неделями. Я это выразил бы так, что одна актуальна, динамична, есть порыв, усилие, действенность любви ко Христу, страдание с Ним, вторая же — есть дар Божий, который может быть единожды принят (даже актуально), но нами не умножаем, а лишь пассивно сохраняем, как настроение праздничное, радостное, богослужебное. Нам с ним, в каком-то смысле, нечего делать самим, пассивное же принятие и удержание его нам не под силу. Поэтому Пасхальная Седмица светит и звенит в нашей душе с тем, чтобы погаснуть и закроются снова врата будущего века. Это и потому, что воскресение все-таки отделено от нас смертью, т. е. жизнью загробною, с ее откровениями, ее достижениями и — дерзнул бы сказать, — динамизмом, и дается нам лишь в каком-то лучезарном взлете над смертью, за смерть: «смертию смерть поправ».

Но в нашей собственной жизни нам дано и задано реализовать только страсть крестную.

...Конечно, молиться! о некрещеных можно и должно, вернее нельзя не молиться уже потому, что они там проходят путь и... встречают Христа, Которого не приняли в этом мире, и вообще, и в частности. «Вообще — потому, что «весь Израиль» спасется и спасается и здесь, и там: тайна, провозвещенная ап. Павлом, и там уже совершается, потому что смерть не покой, и не уход,

а жизнь новая и иная. А в частности — молиться можно о том, кого нам вверил Бог, в путях нашей жизни, и, стало быть, связал с нашей. Однако, не следует быть дилетантом с духовной сентиментальностью и притязать на то, чего нет. Церковного поминовения на проскомидии¹¹ поименно я себе не позволяю, как и служения панихиды. Однако, это не мешает личному смиренному дерзновению молитвы.

15–VI–43.
(1918–1943)

...Еще раз тебя поздравляю с великим праздником Пятидесятницы и Духа Утешителя, вчера миновавшего.

...Самые дни и ночи, сами по себе, были «трансцендентны», соединяя в себе мучение и суд, и дыхание ветра, и радость неизреченную. Была ночь (в канун Духова дня) благодатных встреч за 25-летие, живых и мертвых. Благодарим Господа!

Внешне мой праздник прошел лучше, чем я был достоин.

Двадцатипятилетие мое, помимо моего ведома, превратили в юбилейное празднование, в Храме и аудитории после Литургии, которое и внешне, и внутренне вышло очень задушевно и радостно и торжественно.

...Какие чудесные вереницы душ прошли в моей памяти за миновавшие дни и ночи... из которых многих просто недостойн. Но свойство духовно богатых таково, что они богаты и бедных, и это обогащение я непрестанно чувствую.

19–VII–43.
1–VIII–43

...Твое письмо получено мною как раз утром, в день исполнившегося моего 72-летия.

...Это, конечно, трудный для меня праздник, за который надо благодарить Господа, ибо какой же есть высший дар Божий, как не жизнь, дарованная Богом живых. При этом жизнь включает и смерть (для тебя прибавлю), потому что смерть есть лишь другая жизнь, которая постольку может и должна звать к себе, но именно для жизни, со всей ее творческой ответственностью, а не как «место упокоения», хотя бы даже она была и этим. Находясь на грани, я чувствую себя под двойкой ответственностью и за жизнь, и перед жизнью, как ни мало — и все меньше и меньше — становлюсь я для нее пригоден, так и за смерть, которая ждет и по-своему зовет...

...и здесь, ничего не предрешая, покоряюсь во всем воле Божией, но сам про себя отношусь с известной безнадежностью к своему личному возвращению в Россию. Для этого уже не чувствуешь сил,

а потому не имею права желать, даже в смысле «ныне отпускаеши». Хотя я никогда не изменял своей любви к России и не соблазнулся о ней (а теперь, тем более), но, верно, я много нагрешил против нее в период своей «интеллигентщины» и несу заслуженное наказание своим изгнанием, хотел бы думать и искупление.

6/19–8–1943.

Преображение Господне

...Вообще с возрастом все становится труднее, а главное, сам для себя.

И все-таки в законе любви у ап. Павла (1 Кор 13), первое, что сказано о любви, что она «долготерпит». Это может значить разное, но для данного случая первое — долго выносит, что на Евангельском языке значит: «Претерпевый до конца, тот спасется», а это значит, в свою очередь, претерпевый не только мученичество, но и вонь жизни, а дальше следуют и производные добродетели: «не превозносится, не гордится» и проч.

Но, повторяю, кажется это есть закон духовного делания: чем дальше, тем труднее, тем безвкуснее, а там, может быть и сладостей...

22 октября 1943 года.

День Казанской Богоматери

...Конечно, душа полна Богородичных мыслей и чувств, которые соединяются с напряженностью о родине нашей, для нее ведь, как и для всего мира, наступают критические дни.

...У меня, с одной стороны, шевелится в душе некоторый протест против этого «Казанского» провинциализма, а вместе с тем и утверждается чувство сыновнее в отношении к Русской Богоматери. Она есть вселенская, — Церковь, но мы в своей исторической конкретности и вселенскость приближаем к своей ограниченности.

И невольно спросил себя: иудео-христианству, в свое время, не дано было исторически явить почитания Богоматери, которая для него своего рода, и как-то противоречиво звучал бы этот перевод вселенскости на конкретность: вдруг — Назаретская, Вифлеемская, Иерусалимская Богородица, — последнее, пожалуй, еще можно, через Голгофу¹². Но вообще от грядущего иудео-христианства, которого еще нет, надо ждать и Богоматерного нового откровения. Только даже и ему не согласен уступить или отказаться и от своей доли русского участия нас, «Казанских сирот» во Господе. Однако, не хочу забывать и богородичности народа, среди которого живу, хотя это все же иное...

20–XII–43.

2–I–44.

Неделя Св. Отец. После Литургии

...Сегодня в предпразднестве Рождества Христова, которое все-таки проникнуто Ветхим Заветом, я, как всегда, вдохновлялся и «родословной»¹³, и апостольским чтением. Мне этот день памятен потому, что сегодня, около 40 лет назад, свершилось возвращение блудного сына в лоно Отчье, в Зосимовой пустыне, под Москвой, после долгого, робкого и нерешительного пути домой.

...Я вспоминаю, как я когда-то (о. Павел, однако, был уже священником) получил от него Рождественское письмо, полное какой-то стонущей скорби о жизни, в связи со всей обстановкой события Рождества Христова, но и вообще.

Я это принял тогда без критики, с тем влюбленным восторгом, как и все от него принимал. Но теперь вспоминаю это со скорбью, но без восторга. Несомненно здесь было то чувство трагики жизни, которое проявилось и в его собственной судьбе. Но человек его одаренности и его калибра не имеет права на надломленность. Впрочем, фактически ее и не было в жизни этого железного человека, но это была скорее праздничная лирика. Но щемящая музыка этого письма почему-то звенит в моей душе. Вот и сейчас, когда мир находится, если не перед гибелью, то во всяком случае перед «землетрясением таким великим», нельзя не отдаваться испугу и унынию, но «есть упоение в бою и бездны мрачной на краю»...

31–XII–43.

13–I–44

...Хочется послать тебе благословение Божие в начале нового лета. Не умею, и не смею, и не хочу сказать ничего другого, как: да будет воля Божия и в этом, таком страшном, и непонятном, и вместе с тем так много в себе содержащем и обещающем новом году.

...Хочется продолжить тему о ветхозаветности новозаветных праздников и, в частности, сегодняшнего-завтрашнего — Обрезания Господня. Уж из всех ветхозаветных черт это ведь самая разительная и красноречивая. Хотя она и кратко выражена в службе, однако, достаточно выразительно свидетельствуется обрезанность Господа по плоти, словно для тех, кто из кожи лезут доказать, что Господь был по человечеству (другого же для них и не существует) не семит, но ариец. И две паремии: о «вечном завете» установлении обрезания для семени Авраама, вторая же — параллельная — о Премудрости, т. е. самая софиологическая. Ведь по силе и смыслу, празднование это есть полная параллель

Евангельской родословной. Вместе с тем — характерное совпадение — этот праздник, как наречение имени, есть и праздник Имени Иисусова и всего, с этим именем связанного. Этот смысл знали и наши «имяславцы» (не без содействия некоторых богословских друзей своих).

6/19–I–44.

Крещение Господне. Вечер

...Завтра предстоит еще любимый и чтимый день собора Предтечи¹⁴, и как раз мой литургийный. Обычно, во всей многозначительности этого дня, выдвигался более всего какой-либо один мотив, и, когда я проповедовал, я обычно особенно его в себе вынашивал. Теперь осталось только внутреннее созерцание, волнение около какого-нибудь одного предмета. Таким, в этом году, была Встреча, Друга Жениха с Женихом, его другом. Я думал о том, какова была вся предыдущая жизнь величайшего из рожденных женами; «Ангела пред лицом Твоим», посланного в мир как Предтечу. Я последнее время особенно внимательно и жадно всматриваюсь в образы ветхозаветных пророков, которые, каждый по своему, Его знали и ждали, порою с ясностью потрясающей (как Второ-Исаия, гл. 53). Но у всех их это не была единственная мысль и любовь, как у Предтечи, у них это соединялось с любовью к своему народу, с заботой и пророчествованием об его судьбах («утешайте, утешайте народ мой» — Исаия 40). И только у него это должна была быть и была, конечно, единственная мысль и любовь и единственное пророчество: ждать Грядущего, чтобы Его встретить. И какова-то была эта встреча, конечно, невыразимая и недоступная нашему ничтожеству! Как горел он любовью и радостью, как «трепетен бысть Предтеча», когда это совершилось, и он был удостоен того, зачем был послан в мир, зачем жил. И он был принят и признан Грядущим «креститься от Иоанна». Эта встреча уносит мысль в надзвездные сферы... А Он, что для Него это было? Зачем и почему Он пошел, не по произволению, но отдаваясь внутренней необходимости?

Что означает Крещение, как мы говорим в богословии, «христологически». Да то, что в нем, через «Богоявление», Иисус из Назарета стал Христом, помазанным Духом Святым, на Него сошедшим. Его Рождество, конечно, есть исполнение воли Отца, Он посылается, но само боговоплощение, совершенное «Духом Святым и силою Вышнего» над Ним, было как бы пассивно, Он умалывается до детского состояния, из которого выходит «расти и крепляясь благодатно», доколе не возрос в человеческий возраст мужа совершенна.

И вот тогда приходит час Его собственного как бы боговоплощения. Он, Второе Лицо Святой Троицы, приемлет путь Свой и, в ознаменование этого приятия, грядет ко Иоанну. Крещение есть принятие вочеловечения, как пути к крестному крещению, о котором Сам говорит ученикам: «Крещением, которым Я буду креститься», как «Чашу, которую Я буду пить». Это есть сыновнее «Да» Богочеловека на молчаливый вопрос Отца: «приемлешь ли?» И, в ответ на это «Да», на Него нисходит ипостасная Отчая Любовь, взаимно связующая все три ипостаси Св. Троицы, Дух Святой. Вот почему и в каком-то смысле это есть Богоявление — всей Святой Троицы. Но это сошествие Св. Духа на Иисуса, делающее Его в окончательной мере Христом, означает именно ипостасную встречу и соединение во Христе Сына и Духа Св., Их неизреченной Двоицы, которая и есть Христос (позже, в Пятидесятнице, эта же Двоица раскрывается в обратном порядке).

Дух Св. сходит на Сына, когда Он приемлет Свою жертвенность, как путь сыновний.

До Богоявления на Нем почивала вся полнота благодати Духа Св., с этого дня сама Его ипостась...

Ты, наверное, знаешь по снимкам знаменитую картину Иванова (в Москве) «Явление Христа народу». Он ее писал долгие годы, начал с верой, а кончил в неверии. И тем не менее, картина оказалась верующей. В центре грандиозная фигура Предтечи, окруженная будущими апостолами, мироточителями и пр., а вдали приближающийся Христос, исполненный неземной простоты, кротости и величия. Почему-то эта картина все звенела в душе у меня эти дни предпразднества, хотя, в свое время, я не очень любил этот огромный холст. Может быть «пафос расстояния».

29-I-1944.

11-II-1944

...Шлю тебе поздравление к празднику Сретения Господня, этого «Господско-Богородичного праздника», место которого в ряду двенадцатых для меня не до конца понятно и бесспорно (по крайней мере, наряду с относительным умалением Обрезания Господня, в сущности, однозначного и как бы не менее как равносильного, еще и в своей параллельности крещению и воцерковлению новозаветному).

Но праздник этот в той же, и во всяком случае не меньшей, мере есть ветхо-новозаветный и существует на горе религиозным антиидействующим (не хочется употреблять слова «антисемитам» за его несоответствие предмету).

Действительно, это есть воцерковление Господа в церковь ветхозаветную, по закону Моисееву, как это и свидетельствуется

в первой паремии. Господь был не только обрезан, но и воцерковлен, — с принесением законной жертвы, хотя и скудной в уничтожении Своем.

И прямой предмет празднования «Сретения» — есть встреча Его ветхозаветной церковью, принявшей Его в «свое лоно не только в священнодействии, но и пророчестве своем, устами которого явился старец Симеон и старица Анна. И оба творили славословие, которое было вместе с тем и «ныне отпускаеши» ветхозаветной церкви, но при этом свидетельствовали «славу людей Твоих Израиля». Пророчество Симеона также относилось и к судьбам Израиля в христианстве, «падение и восстание многих во Израиле». Таким образом, это уже третий праздник, всецело отмеченный связью ветхо- и новозаветной церкви.

...Моя жизнь, кроме обычного течения, состоит из прозрений Апокалипсиса и мучительных для меня «инспекторских» будней, которые несу как послушание Преп. Сергию. Это соответствует не только моему постоянному чувству жизни в Подворье, но и моему разумению Апокалипсиса, так что свою собственную слабость подкрепляю от писания.

23—III—44.

5—IV—44

...Особенность этого года есть скопление праздников в короткий срок и поэтому такая их сгущенность, что они, как будто теснят друг друга, и не хватает дыхания. Я это испытал уже, когда искал передать это чувство в слове, да так его и не нашел, хотя и не мог молчать.

Итак, заранее тебя поздравляю, прежде всего, с дивным весенним праздником небесной голубизны, Благовещением Пресв. Богородицы, — какую изумительную гамму и собственную окраску он имеет, праздник Софии Тварной, Духоносицы (не даром, почти единственный раз, читается Софийная паремия — Пр. VIII).

В былые времена я любил читать диалогический канон праздника, хотя позднее поохладел, не к замыслу, но к исполнению.

Дальше поздравляю тебя с Царским Днем, праздником воцарения крестного Господа нашего на земле. Праздник апокалиптический, который весь относится к грядущему царству. Кстати сказать, вчерне я закончил свой Апокалипсис, настоящая тема которого есть воцарение Господа на земле, и теперь началась «правка».

...И, наконец, издалека, через необозримое духовное пространство Страстной седмицы и ее пламя, шлю тебе теперь же и пасхальное приветствие, хотя и не решаюсь еще произнести, ранее исполнившегося срока, слова Священного привета.

31—III—1944.

13—IV—1944.

Св. и вел. Четверг

...Сегодня пишу из глубины светлейшего дня Тайной Вечери любви Господней к грешному человечеству и ответной любви нашей к Нему, Его любви к 12 избранным ученикам на «странствия Владычня бессмертия трапезе»¹⁵, в свете всего, что там происходило, сказанного и не сказанного, между всеми, и Петром, и нарочито двумя избранныками: Иоанном и Иудой, апостолом любви и апостолом жертвенного отвержения и... самоотвержения. Неизменно горит мое сердце о сей Тайне: «не двенадцать ли вас Я избрал, но один из вас дьявол», и «что делаешь, то делай скорее»...¹⁶ Тайна Иуды, которая закрыта особой к нему непримиримостью апостола любви. И изнемогает душа от любви и радости ее. Еще раз Господь привел приобщиться радости этого дня и его чуду духовному.

9/22—V—44.

День Святителя Николая

...Шлю тебе сегодня, в день великого святителя любви, поздравление с грядущим днем Вознесения Спаса Нашего. (Кстати, этот день соблазняет иных ревнителей православия: светлое торжество «перенесения» мощей с православного востока на тогда уже еретический запад, путем обычного тогда грабежа или похищения святынь: я же на это отвечаю, что значит это было угодно святителю, не остаться в захолустье Востока, но сиять во вселенской церкви и с запада, как ознаменование грядущего, чтый да разумеет)... Прими такое размышление или свидетельство о нем (Вознесении), как оно уже в приближении своем входит в душу.

Праздник Вознесения — трудный для духовного переживания, поскольку он преимущественно созерцательный, относится к тому, что для нас недоступно в запредельности своей, как свершение в небесах; постольку он, можно сказать, статический, а не динамический. Это сказывается и в литургическом тексте, который изобилует словесными повторениями открываемой в нем истины. Однако, она дана нам и сияет в нашей жизни, но как? Она открывается разными своими сторонами. Прежде всего в ней есть торжество совершившегося нашего спасения, и постольку есть «радость разлучения» (как лет 20 назад я писал слово на этот день в «Р. Ц.»*), тогда это именно было для меня наиболее жизненно).

* Радость Церковная. Слова и Поучения. Париж 1938. С. 73–77.

Есть здесь и радость обетования, — Пятидесятницы (согласно тропарю)¹⁷. Это обетование о ней уже и исполнилось, однако, для нас не в той полноте, которая возможна, а следовательно, и обетована, постольку она и остается еще в обетовании. Но в некотором духовном вмешательстве, которое примешивается к радости разлучения, есть, вернее, может и должна даже быть и скорбь этого разлучения, как бы некая пустота, после него. Апостолы смотрели на небо, после разлучения, до явления ангелов, как бы не соглашаясь разлучаться.

Между прочим, во всей службе Вознесения есть лишь одно место, где вносится этот оттенок, ты его, конечно, заметила, это стихира на «Господи воз.», 4-я: «рыданием слез, скорби исполняеми, рыдающе глаголаху» (хотя эта скорбь и отнесена здесь не к Вознесению, но лишь к Сошествию Св. Духа). Правда, на эту скорбь дается ответ Христом: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (это и подтверждено, с особой силой, в кондаке: «никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный» и далее: и иконе тоже), но это не то пребывание со Христом, какое имели Апостолы и какое дано явившимся им ангелом: «Приидет, имже образом видите Его грядуща на небо» (Д. А. И. 11). Значит, утраченное не возмещается духовным пребыванием Христа с нами и нас во Христе, потому что обещано еще и другое, более полное сопребывание. Правда, оно связано и с грядущим Страшным Судом, и потому нас не столько радует, сколько устрашает. Потому рано уже распространяется в христианстве, вместо жажды видеть Господа — страх этого. Это и стало господствующим отношением и окрашивает собою чувства Вознесения: лучше повыше и подальше от нашего недостойства.

Однако, это не все, это неполно, а потому и неверно его выражает, ибо пришествие Господа не должно быть только страхом, но и радостью. Этому и учит Откровение своей последней, заключительной молитвой: «Дух и Невеста говорят приди! Ей, гряди, Господи Иисусе». Но этот, так сказать, обертон совершенно отсутствует в службе Вознесения, и это отсутствие ее странным образом обедняет, или по-своему окрашивает. Непосильно нам такое его восприятие, однако, приходит время, когда оно все более властно звучит в душах, и заглушать его становится уже невозможным и неправильным. В то же время выразить его с должной силой также не хватает вдохновения, и можно лишь как бы шепотом, из уст к устами, присоединить к славословию Восшедшего на небеса и стоящего одесную Отца: «Ей, гряди паки на землю. Аминь!»

*Из последнего письма о. Сергия,
к Духову Дню, 5 — VI (23 — V) 1944 г.*

...Как я хорошо помню этот день, 26 лет назад, в Москве, когда, приблизительно, в этот же час (около 4-х), с подрясником в руках, но еще в черном сюртуке, отправлялся из своего дома в Данилов монастырь, к Преосвященному Феодору¹⁸ на ночлег к рукоположению.

Из переписки с Л. А. и В. А. Зандер

Муж и я встретились с о. Сергием вскоре после его высылки из России и приезда за границу. В начале 1923 г. он прожил некоторое время в Константинополе перед своим переездом в Прагу. Как я жалела впоследствии, что не удалось в то время поговорить с ним о его посещении храма Айя-Софии¹! О впечатлении своем он написал заметку в своей записной книжке, которая была напечатана в посмертном издании 1946 г.* Как и о. Сергей, я почувствовала в Айе-Софии нечто «свое» и не раз заходила туда помолиться, когда жила с родителями в Стамбуле. Но о. Сергия я увидела впервые, еще не будучи с ним знакома, в другом храме, св. Николая Чудотворца** (в Харбие²), разрушенного турками после вступления в город Кемаля³.

Я состояла в сестричестве, несла дежурства при храме и находилась в нем, когда, быстрыми шагами, вошел в него, не взглянув на меня, незнакомый священник и прошел прямо в алтарь, хотя службы в это время не было. Через некоторое время он так же быстро вышел, точно погруженный в свои думы. Поразило меня тогда сочетание какой-то окрыленности его движений и строгости, почти суровости, его лица. Вероятно это мимолетное посещение церкви произошло перед самым его отъездом в Прагу. В это время в Праге уже находился мой будущий муж (о чем я тогда не знала, т. к. встретились мы с ним, после шести лет отсутствия сведений друг о друге, только в конце 1923 г. в Париже), Лев Александрович

* Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки (посмертное издание). Предисловие и примечания Л. А. Зандера. ИМКА-Пресс, Париж 1946.

** В том же 1923 г. и в том же храме служил в Духов день мой отец (о. Александр Калашников) после своего рукоположения.